Геоэкономика продовольственной безопасности в условиях поликризиса: эволюция политических ответов Китая (2022-2026)

Корнев Никита Андреевич
исполнительный директор Центра изучения Китая и стран АТР, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина, kornev.nikita@urfu.ru

Актуальность исследования обусловлена трансформацией глобальной продовольственной безопасности от пандемийных потрясений к структурному поликризису, сочетающему геополитическую фрагментацию, климатическую нестабильность и инфляционное давление в период 2022-2026 гг. Объектом исследования выступают процессы обеспечения продовольственной безопасности Китая в условиях глобальных системных трансформаций. Предметом исследования являются эволюция рисков продовольственной безопасности и политические механизмы адаптации китайской аграрной системы. Цель исследования заключается в комплексном анализе трансформации рисков продовольственной безопасности и выработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию политики продовольственной безопасности Китая. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: проанализирована динамика мировой продовольственной безопасности в контексте поликризиса; исследованы особенности продовольственной безопасности Китая на фоне рекордных показателей производства зерна; выявлены ключевые риски и вызовы, включая климатические, демографические и технологические факторы; разработаны стратегические рекомендации по переходу к качественной модели продовольственной безопасности. Методологическая основа исследования включает системный анализ, сравнительно-исторический метод, статистический анализ данных ФАО, USDA и Национального бюро статистики КНР, а также метод прогнозного моделирования. Результаты исследования демонстрируют, что Китай достиг исторического максимума зерновой самообеспеченности (97% при производстве 714,9 млн тонн в 2025 г.) при сохранении структурной зависимости от импорта сои (около 90%). Выявлено усиление климатических рисков как системного фактора угрозы устойчивости производства, а также критическая важность перехода от количественной к качественной безопасности в рамках стратегии “всеобъемлющего восстановления села” (2025-2035). Выводы исследования свидетельствуют о необходимости теоретической переоценки подходов к продовольственной безопасности: от статической самообеспеченности к динамической резилиентности, от изоляции к интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости, от количественных показателей к комплексной оценке качества и устойчивости аграрной системы.

Ключевые слова: КНР; продовольственная безопасность; поликризис; климатическая адаптация; стратегия всеобъемлющего восстановления села; геоэкономика аграрных рынков; зерновая самообеспеченность; аграрная политика; устойчивое развитие; продовольственная дипломатия

Введение

«Для государя основой является народ, для народа — пища». С момента основания КНР страна достигла значительных результатов в решении проблемы продовольственной безопасности, успешно решив продовольственную проблему 1,4 млрд китайцев [1]. Однако период 2022–2026 гг. продемонстрировал качественно новый уровень сложности глобальной продовольственной системы.

В отличие от кризиса 2007–2008 гг., нынешняя ситуация характеризуется синергией множественных шоков: военный конфликт в Украине (2022), гуманитарные катастрофы в Газе, Судане, Гаити (2024–2025), экстремальные погодные явления, усиление La Niña, а также геополитическая фрагментация торговых потоков [2, 3]. По данным FAO и Всемирной продовольственной программы (ВПП), к 2025 г. 16 «горячих точек» голода охватывали более 300 млн человек, причем в шести странах (Судан, Газа, Южный Судан, Йемен, Гаити, Мали) зафиксирована катастрофическая (IPC Phase 5) нехватка продовольствия [3, 4, 5].

В этих условиях Китай продемонстрировал устойчивость аграрной системы: впервые в истории преодолен рубеж 700 млн тонн зерна (2024 г.), а в 2025 г. производство достигло 714,9 млн тонн [6, 7]. Однако достижение количественных целей сопровождается новыми вызовами: климатическая уязвимость, структурная зависимость от импорта сои, старение сельскохозяйственных кадров и необходимость перехода к качественной безопасности продовольствия [1, 21].

Центральный документ № 1 (2025 г.) определил новую парадигму: «всеобъемлющее восстановление села» (全面乡村振兴) как основу для модернизации сельского хозяйства в период 15-й пятилетки (2026–2030) [8, 9]. Это знаменует собой эволюцию от целевых показателей самообеспеченности к системной устойчивости аграрной экономики [1, 25].

Актуальность исследования

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, глобальная продовольственная система переживает беспрецедентную трансформацию: от пандемийных потрясений к структурному поликризису, сочетающему геополитическую фрагментацию, климатическую нестабильность и инфляционное давление. Необходимо полноценное теоретическое осмысление реакции правительства КНР на данные вызовы. Во-вторых, заявлено, что Китай достиг исторических рекордов производства зерна, однако вследствие усиления теневых закупок с/х продукции в том числе в РФ, а также увеличения квот на те виды продукции, что являются хэджирующими на Шанхайской бирже, указывает на антикризисные течения в политике КНР, что требует переосмысления концептуальных подходов к оценке продовольственной безопасности. В-третьих, стратегия «всеобъемлющего восстановления села» (2025-2035) знаменует собой переход к интегрированной модели продовольственной безопасности, требующей научного осмысления.

Под руководством председателя Си Цзиньпина ЦК КПК уделяет более серьезное внимание проблеме продовольственной безопасности, требуя придерживаться

принципа о надежном и самостоятельном решении вопроса с питанием. Еще в декабре 2013 года на Центральной конференции по работе в сельской местности Си Цзиньпин подчеркнул, что «продовольственный вопрос нельзя рассматривать только с экономической точки зрения, его необходимо рассматривать и с политической точки зрения. Обеспечение национальной продовольственной безопасности является важной основой для достижения экономического развития, социальной стабильности и национальной безопасности».

Обзор литературы

Вопросы продовольственной безопасности привлекают постоянное внимание учёных по всему миру. Амартия Сен в своей фундаментальной работе показал, что голод разразился не из-за нехватки продовольствия, а в большей степени из-за неравномерного распределения и нарушения «энтайтлментов» — прав на доступ к ресурсам [10]. Этот подход остаётся ключевым для понимания современных продовольственных кризисов, которые, как показывает анализ FAO и Всемирной продовольственной программы, в 2025 году охватывали более 300 млн человек в 16 «горячих точках» голода [3, 4, 5].

Фан Шэнген проанализировал эволюцию продовольственной политики за последние три десятилетия, выявив тенденции трансформации от ориентации на производство к комплексной системе продовольственной безопасности, включающей доступность, стабильность и утильзацию [11]. В контексте пандемии COVID-19 Фан Шэнген и соавторы исследовали механизмы предотвращения глобального кризиса продовольственной безопасности, предложив концепцию «мировой продовольственной безопасности как общественного блага» [11].

В китайском контексте значительный вклад внесли отечественные и зарубежные исследователи. Хуан Цзикун переосмыслил перспективы продовольственной безопасности Китая в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе, обосновав необходимость стратегического баланса между самообеспеченностью и международной торговлей [12]. Ду Мин и соавторы в актуальном обзоре 2025 года систематизировали вызовы, политику и перспективы продовольственной безопасности Китая, подчеркнув роль технологических инноваций и устойчивого развития [1].

Глобальный контекст продовольственной безопасности исследован в работах FAO [2], Всемирного банка [14], а также в Global Report on Food Crises [3, 15]. Источники демонстрируют трансформацию глобальной продовольственной системы от пандемийных шоков к структурному поликризису, сочетающему геополитическую фрагментацию, климатическую нестабильность и инфляционное давление. С точки зрения мировой торговли продовольствием, USDA отмечает, что мировая торговля масличными культурами концентрируется в руках нескольких крупных экспортёров, что создаёт риски рыночной власти и возможного использования продовольственного эмбарго как геополитического инструмента [17]. Чжао Хуан и соавторы проанализировали будущий спрос на продовольствие в Китае и его последствия для торговли и окружающей среды, показав, что изменение диеты и рост доходов приведут к увеличению импорта кормовых культур [13].

Проблемы геополитических рисков и их влияние на продовольственные рынки рассмотрены Ли Чунь и соавторами, которые разработали систему оценки продовольственной безопасности Китая с учётом пространственно-временной эволюции [16]. Ню Инь и коллеги проанализировали историю самообеспеченности зерном в Китае, выявив парадокс: высокий уровень самообеспеченности основными зерновыми культур сочетается с критической зависимостью от импорта сои и кормов [21].

В условиях пандемии COVID-19 Пань Дан и соавторы исследовали влияние кризиса на сельское хозяйство Китая с применением текстового анализа, выявив уязвимости аграрной системы к цепочкам поставок [18]. Чэнь Гоцян и Чжу Мэнь проанализировали тренды, последствия и рекомендации по обеспечению продовольственной безопасности в условиях пандемии, предложив механизмы смягчения рисков [30]. Структурные проблемы аграрного сектора Китая исследованы в работах, посвящённых использованию земельных ресурсов и экологической устойчивости. Лю Яньсуй и Чжоу Инчуань переосмыслили продовольственную безопасность и земельную политику Китая в условиях быстрой урбанизации, показав напряжённость между охраной пахотных земель и экономическим развитием [22]. Чжун Фан и Хун Фуцзюнь исследовали механизмы компенсации для главных зерновых регионов, предложив концепцию «взаимодействия благосостояния» между производящими и потребляющими регионами [24].

Цуй Най и Дун Цзюнь проанализировали продовольственную безопасность в главных зерновых районах, выявив диспропорцию между ростом производства и снижением доходов фермеров, а также экологическую деградацию [23]. Цзян Чанъюнь и Ли Цзюньчжу разработали систему индикаторов аграрной и сельской модернизации с китайской спецификой к 2035 году, предложив комплексную оценку устойчивого развития [25]. Вопросы спроса на корма и структурные сдвиги в потреблении пищи рассмотрены Дун Вэньцзюнь и соавторами, которые спрогнозировали будущий баланс спроса и предложения кормов в Китае в период быстрого перехода к новым моделям потребления [26]. Синь Сян и коллеги критически переосмыслили концепцию самообеспеченности, показав, что более высокий уровень самообеспеченности не всегда означает большую безопасность, особенно в условиях глобализированных цепочек добавленной стоимости [27]. Ли Синъи и Хань И проанализировали драйверы различий в ценах на импортное зерно, выявив ключевую роль транспортных издержек и качества продукции [28]. Ни Хунцзюнь исследовал структурную реформу аграрного предложения Китая с позиции открытости, обосновав необходимость интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости [29].

Таким образом, современная литература демонстрирует эволюцию подходов к продовольственной безопасности: от статической самообеспеченности к динамической резилиентности, от количественных показателей к комплексной оценке качества и устойчивости аграрной системы. Ключевыми темами становятся климатическая адаптация, технологический суверенитет, экологическая модернизация и интеграция в глобальные продовольственные цепочки.

Методология и методы исследования

Исследование проведено на основе системного подхода, позволяющего рассматривать продовольственную безопасность как комплексную систему взаимосвязанных элементов. Основными методами исследования являются: системный анализ для выявления взаимосвязей между факторами продовольственной безопасности; сравнительно-исторический метод для анализа эволюции рисков в динамике; статистический анализ данных ФАО, USDA, Национального бюро статистики КНР; метод прогнозного моделирования для оценки перспектив развития ситуации.

Теоретическая основа исследования опирается на комплекс междисциплинарных подходов и специальных теорий. Фундаментальным основанием служит концепция

«энтайтлментов» А. Сена, согласно которой голод возникает не вследствие абсолютного дефицита продовольствия, а из-за нарушения механизмов доступа к ресурсам [10]. Данный подход критически важен для анализа современных продовольственных кризисов, где распределительные конфликты играют ключевую роль наряду с производственными ограничениями.

Вторым теоретическим стержнем выступает теория секьюритизации Б. Бузана, О. Уивера и Дж. Уилдса, разработанная в рамках Копенгагенской школы безопасности. Согласно данной теории, продовольственная безопасность представляет собой результат «речевых актов» (speech acts), посредством которых политические элиты конструируют объективные угрозы как существующие проблемы безопасности [31]. В китайском контексте наблюдается последовательная секьюритизация аграрной сферы: от Документа № 1 (2025 г.), объявляющего «всеобъемлющее восстановление села» приоритетом национальной безопасности [8], до институционализации продовольственной безопасности в виде «закона о продовольственной безопасности» (2024 г.) [176]. Теория секьюритизации позволяет объяснить, почему Китай, достигнув рекордного производства зерна (714,9 млн тонн в 2025 г.) [6, 7], продолжает усиливать политику самообеспеченности: речь идёт о конструировании устойчивости как фундаментальной ценности, превышающей краткосрочную экономическую эффективность.

Третьим компонентом теоретической базы является концепция резилиентности (устойчивости) социально-экологических систем. В отличие от статической модели самообеспеченности, резилиентность акцентирует способность системы адаптироваться к шокам и трансформироваться в условиях неопределённости [1, 21]. Данный подход критически важен для анализа поликризиса 2022–2026 гг., когда сочетание климатических, геополитических и экономических шоков требовало не поддержания запасов, а развития адаптивных механизмов.

Информационную базу исследования составили официальная статистика ФАО, USDA, Всемирного банка, Национального бюро статистики КНР, документы правительства КНР, в том числе Центральные документы № 1 за 2024–2025 гг., научные публикации в рецензируемых журналах.

Результаты исследования

Глобальный контекст: поликризис и трансформация рисков

С 2022 г. глобальная продовольственная безопасность пережила несколько фаз: пандемийный шок (2020-2021), энергетический кризис и инфляционный всплеск (2022), геополитическая фрагментация (2022-2023), климатическая экстремизация (2024-2025). По данным FAO, мировые запасы продовольствия остаются достаточными, но распределительные конфликты усилились. Индекс цен на продовольствие FAO демонстрирует волатильность: после пика в марте 2022 г. (159,7 пункта) произошло снижение, но структурные факторы давления сохраняются [2].

Ключевые тенденции глобального продовольственного рынка: концентрация экспорта в руках нескольких стран (Аргентина, Австралия, Бразилия, Канада, Новая Зеландия, Россия, Таиланд, США контролируют около 55% мирового чистого экспорта продовольствия); усиление финансиализации аграрных рынков; рост нетарифных барьеров и экспортных ограничений; трансформация климатических рисков из периодических шоков в системный фактор [3, 14].

Основной причиной стремительного роста мировых цен на продовольствие является усиление глобальной инфляции. С начала XXI века цены на зерно резко выросли в 2008 и 2011-2012 годах. Глобальный индекс цен на продукты питания и на зерновые составили 98,1 и 103,1 соответственно в 2020 году, достигнув 113,5 и 125,0 соответственно в январе 2021 года и увеличившись до 135,7 и 140,6 соответственно в январе 2022 года [2].

Продовольственная безопасность Китая: достижения и парадоксы

Китай достиг исторического максимума производства зерна: 706,5 млн тонн в 2024 г. и 714,9 млн тонн в 2025 г. [6, 7]. Уровень самообеспеченности зерном достиг 97%, что значительно превышает международный порог безопасности в 95%. Запасы риса и пшеницы обеспечивают потребность на 18+ месяцев.

В 2015 году производство зерна в Китае впервые превысило отметку в 660 млн тонн, а к 2021 году выросло до 682,851 млн тонн. За 7 лет с 2015 по 2021 год производство зерновых культур в Китае составило в среднем 665,246 млн тонн. В настоящее время запасы зерновых культур в Китае избыточны, при этом запасы риса и пшеницы составляют более 70% от общего резерва. Запасов пшеницы может хватить для удовлетворения потребительских потребностей населения страны на полтора года.

Однако структурная зависимость от импорта сои сохраняется на критическом уровне (около 90%). В 2024-2025 гг. Китай импортировал около 100 млн тонн соевых бобов, что составляет более 60% мирового экспорта [17]. Диверсификация поставок (снижение доли США, увеличение импорта из Бразилии, Аргентины, России) смягчает геополитические риски, но не устраняет структурную зависимость.

Таблица 1

Сравнительные показатели продовольственной безопасности Китая

Показатель / Indicator	2020	2022	2024	2025	Источник / Source
Производство зерна, млн т / Grain production, mln t	669,5	686,5	706,5	714,9	[6, 7]
Импорт сои, млн т / Soybean imports, mln t	100,3	91,0	105	100	[17]
Самообеспеченность зерном, % / Grain self-sufficiency, %	94,9	95	97	97	[6]
Самообеспеченность соей, % / Soybean self-sufficiency, %	16,3	18	15	16	[17]
Высокостандартные земли, млн га / High-standard farmland, mln ha	—	—	66,7	70,0	[6]
Доходы сельских жителей, юаней / Rural income, yuan	17 131	20 133	23 119	24 700	[6]

За последние годы объем импортируемых основных видов зерновых культур значительно вырос, что привело к снижению самообеспеченности. Согласно данным USDA, чистый импорт зерновых в Китае увеличился с 28,1 млн тонн в 2019 году до 42,1 млн тонн в 2020 году, достигнув пика в 65,4 млн тонн в 2021 году [17]. В 2019–2020 гг. уровень самообеспеченности Китая зерном составлял 97,7% и 94,9% соответственно [6].

В последние годы объем импортируемого продовольствия значительно возрос как из-за факторов спроса, так и из-за факторов чрезмерного импорта, вызванных различиями в ценах на внутреннем и внешнем рынках. Разница в ценах стала важной причиной чрезмерного импорта. С

января 2015 г. внутренние цены на рис и пшеницу большую часть времени были значительно выше международных. По данным исследований Центра экономических исследований при Китайской академии общественных наук, к 2015 году оптовые цены на рис, пшеницу и кукурузу в Китае превышали международные на 30–50% [12, 28]. Это является важной причиной чрезмерного импорта риса и пшеницы и серьезных проблем с нехваткой запасов в последние годы.

Переход к «качественной безопасности»

Документ № 1 (2025 г.) инициирует стратегический сдвиг: «Необходимо одновременно обеспечивать количество и качество продукции, строить высокостандартные пахотные земли, укреплять научно-техническую поддержку» [8]. Новые приоритеты включают: устойчивость к климату (интеграция адаптационных мер в аграрную политику, сорта устойчивые к засухе, системы раннего предупреждения); зеленую трансформацию (сокращение использования химических удобрений и пестицидов, развитие органического земледелия); диверсификацию источников питания (аквакультура, «большой пищевой подход» 大食物观), снижение потерь и отходов; цифровизацию («интеллектуальное сельское хозяйство» как ключевой драйвер повышения эффективности).

Обсуждение результатов

Эволюция типологии рисков

Автор предлагает эволюционную типологию рисков продовольственной безопасности, основанную на концепции секьюритизации и теории резилиентности. В отличие от статических классификаций, данный подход акцентирует динамику трансформации угроз в условиях поликризиса 2022–2026 гг., выявляя механизмы, посредством которых объективные вызовы конструируются политическими элитами как приоритеты национальной безопасности. Эволюционная типология позволяет проследить не просто изменение интенсивности рисков, но и качественные сдвиги в их природе: от изолированных шоков к системным каскадным эффектам, от количественных дефицитов к дисфункциям цепочек добавленной стоимости, от экзогенных угроз к эндогенным уязвимостям аграрной системы. Анализ динамики рисков осуществляется на основе сопоставления показателей 2022 и 2026 гг., что даёт возможность оценить эффективность политических ответов Китая и выявить новые латентные угрозы, способные трансформироваться в доминирующие факторы нестабильности в среднесрочной перспективе.

Таблица 2

Сравнительный анализ рисков (2022 vs. 2026)

Категория риска / Risk category	2022	2026	Динамика / Trend
Глобальная инфляция / Global inflation	Высокий / High	Средний / Medium	↓
Геополит. конфликты / Geopolitical conflicts	Средний / Medium	Критический / Critical	↑↑
Климатические риски / Climate risks	Средний / Medium	Высокий / High	↑
Зависимость от импорта сои / Soybean import dependence	Высокий / High	Высокий / High	→
Деградация земель / Land degradation	Высокий / High	Критический / Critical	↑
Технологич. зависимость / Tech dependence	Средний / Medium	Высокий / High	↑
Демографическое старение / Demographic aging	Средний / Medium	Критический / Critical	↑↑

Новые «серые лебеди»

Синдром «посткризисной усталости»: после достижения рекордов 2024-2025 гг. существует риск политической релаксации. Исторический опыт (2015-2018 гг.) показывает, что после периода высоких цен на зерно следует спад мотивации фермеров и сокращение инвестиций.

«Зеленый протекционизм»: регуляции ЕС (CBAM, Deforestation Regulation) и потенциальные климатические тарифы США создают нетарифные барьеры для китайского агроэкспорта и усложняют доступ к передовым технологиям.

Водно-энергетический нексус: Северокитайская равнина, обеспечивающая 25% производства зерна, испытывает критический дефицит водных ресурсов. Переход на энергоемкие системы орошения (капельное, разбрызгивание) увеличивает энергопотребление сектора, конфликтуя с целями декарбонизации [18].

Структурные проблемы продовольственной безопасности Китая носят системный характер, охватывая деградацию земельных и водных ресурсов, технологическую зависимость и экономическую неустойчивость аграрного производства. Сокращение площади пахотных земель на 7,13 млн га за 2015–2019 гг. [19] и доминирование средне- и низкосортных земель (68,76%) [20] ограничивают потенциал наращивания производства, тогда как истощение водоносных горизонтов Северо-Китайской равнины и загрязнение водных ресурсов [21] подрывают экологическую основу аграрного сектора. Технологическая уязвимость в семеноводстве — импорт более 20 сортов кукурузы иностранными компаниями [23] — сочетается с экономическим дисбалансом: отрицательная рентабельность зернового производства в 2016–2019 гг. и высокая зависимость от ценовой конъюнктуры дестимулируют фермерскую мотивацию, создавая риск политической релаксации после достижения количественных целей.

Заключение

Анализ 2022-2026 гг. требует корректировки концептуальных подходов. Во-первых, от «самообеспеченности» к «устойчивой резилиентности»: традиционный индекс самообеспеченности теряет показательность в условиях глобализированных цепочек добавленной стоимости. Критически важны показатели: доля импорта из нестабильных регионов, уязвимость к климатическим шокам, технологическая независимость.

Во-вторых, «внутренний цикл» продовольственной безопасности: доктрина «двойного циркуляции» (双循环) применительно к аграрному сектору означает баланс между импортом сырья (соевые бобы) и экспортом высокодобавленной стоимости (переработка, технологии, стандарты).

В-третьих, продовольственная безопасность как элемент «мягкой силы»: в условиях глобального голода гуманитарная помощь и экспорт зерна становятся инструментами геополитического влияния (примеры: поставки зерна в Африку, Ближний Восток).

Период 2022-2026 гг. продемонстрировал, что продовольственная безопасность в эпоху поликризиса требует системной трансформации. Китай, достигнув исторических рекордов производства зерна, сталкивается с новым вызовом: переходом от количественной модели к качественной устойчивости.

Ключевые выводы исследования:

1. Резилиентность превышает самообеспеченность: способность адаптироваться к шокам важнее статических показателей запасов. В условиях поликризиса критически важна гибкость аграрной системы и способность быстро реагировать на изменяющиеся условия.

2. Технологии превышают ресурсы: интенсификация через инновации позволяет компенсировать ограниченность земель и воды. Технологический суверенитет в се-

меноводстве и аграрных технологиях становится ключевым фактором долгосрочной продовольственной безопасности.

3. Интеграция превышает изоляцию: эффективное использование «двух ресурсов и двух рынков» требует геополитической гибкости, а не автономии. Китай должен развивать стратегические партнерства и диверсифицировать источники импорта продовольствия.

4. Качество превышает количество: переход к качественной безопасности требует комплексного подхода, включающего экологическую устойчивость, безопасность пищевых продуктов и благополучие производителей.

Документ № 1 (2025 г.) и стратегия всеобъемлющего восстановления села закладывают основу для этой трансформации. Однако успех будет зависеть от способности преодолеть институциональную инерцию, демографический кризис и климатические ограничения. Продовольственная безопасность Китая в 2035 г. будет определяться не тоннажем урожая, а способностью системы адаптироваться к неопределенности.

Таким образом, с точки зрения комплексного потенциала по производству продуктов питания, поддержание продовольственной безопасности по-прежнему требует постоянного пристального внимания и не может быть недооценено. Поэтому необходимо серьезно относиться к развитию общих мощностей по производству продовольствия, заблаговременно принимать определенные меры, рассматривать национальную стратегию продовольственной безопасности в перспективе, строго внедрять систему защиты пахотных земель, придерживаться «красной линии» пахотных земель в 120 млн га, активно способствовать строительству высококачественных угодий.

Литература

1. Du M., Lei J., Li S. Navigating the Path to Food Security in China: Challenges, Policies, and Future Directions // Foods. 2025. Vol. 14, No. 4. P. 644. DOI: 10.3390/foods14040644

2. FAO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2024. Rome: FAO, 2024. 320 p. https://doi.org/10.4060/cd1254en

3. FSIN and GNAFC. Global Report on Food Crises 2025. Rome: Food Security Information Network, 2025. 295 p. DOI: 10.71958/wfp130664

4. FAO and WFP. Early Warning Analysis of Acute Food Insecurity Hotspots. Rome: FAO, 2025. 45 p.

5. WFP. Hunger Hotspots: FAO-WFP early warnings on acute food insecurity. Rome: WFP, 2025. 62 p.

6. National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook 2024. Beijing: China Statistics Press, 2024. 890 p.

7. Xinhua News Agency. China's grain production exceeds 700 million tonnes for first time. Beijing, December 2024.

8. CPC Central Committee and State Council. Opinions on Further Deepening Rural Reform and Steadily Advancing Comprehensive Rural Revitalization (China's No. 1 Central Document for 2025). Beijing, February 23, 2025.

9. Xinhua News Agency. China's No.1 central document sets agricultural modernization roadmap. Beijing, February 2025.

10. Sen A. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1981. 257 p. ISBN 978-0-19-828463-5

11. Fan S. Reflections of Food Policy Evolution over the Last Three Decades // Applied Economic Perspectives and Policy. 2020. Vol. 42, No. 3. P. 380-394. DOI: 10.1002/aepp.13065

12. Huang J., Wei W., Cui Q. The Prospects for China's Food Security and Imports: Will China Starve the World via Imports? // Journal of Integrative Agriculture. 2017. Vol. 16, No. 12. P. 2933-2944. DOI: 10.1016/S2095-3119(17)61830-8

13. Zhao H., Chang J., Havlík P., et al. China's Future Food Demand and Its Implications for Trade and Environment // Nature Sustainability. 2021. Vol. 4. P. 1042-1051. DOI: 10.1038/s41893-021-00764-2

14. World Bank. Commodity Markets Outlook: Implications for Developing Countries. Washington DC: World Bank, 2025. 125 p.

15. FSIN and GNAFC. Global Report on Food Crises: Mid-Year Update 2025. Rome: Food Security Information Network, 2025. 180 p.

16. Li C., Zhang Y., et al. Construction of China's Food Security Evaluation Index System and Spatiotemporal Evolution // Environmental Science and Pollution Research. 2024. Vol. 31, No. 17. P. 25014-25032.

17. USDA Foreign Agricultural Service. Oilseeds: World Markets and Trade. Washington DC: USDA, 2025. 45 p.

18. Pan D., Yang J., Zhou G., Kong F. The Influence of COVID-19 on Agricultural Economy and Emergency Mitigation Measures in China: A Text Mining Analysis // PLoS ONE. 2020. Vol. 15, No. 10. P. e0241167. DOI: 10.1371/journal.pone.0241167

19. Zhang L., Luo B. Agricultural Chemical Reduction: The Logic and Evidence Based on Farmland Operation Scale of Households // China Rural Economy. 2020. No. 2. P. 81-99.

20. Zhang Y., Lu X. A Comprehensive Evaluation of Food Security in China and Its Obstacle Factors // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20, No. 1. P. 451. DOI: 10.3390/ijerph20010451

21. Niu Y., Xie G., Xiao Y., et al. The Story of Grain Self-Sufficiency: China's Food Security and Food for Thought // Food and Energy Security. 2022. Vol. 11, No. 3. P. e344. DOI: 10.1002/fes3.344

22. Liu Y., Zhou Y. Reflections on China's Food Security and Land Use Policy under Rapid Urbanization // Land Use Policy. 2021. Vol. 109. P. 105699. DOI: 10.1016/j.landusepol.2021.105699

23. Cui N., Dong J. Grain Production Security in Major Grain-Producing Areas: Status, Challenges, and Guarantee Path // Issues in Agricultural Economy. 2021. No. 7. P. 130-144.

24. Zhong Y., Hong F. Thoughts on Constructing the Compensation Mechanism for the Development of Main Grain Producing Areas // Academic Journal of Zhongzhou. 2019. No. 270. P. 30-36.

25. Jiang C., Li J. Research on Indicator System of Agricultural and Rural Modernization with Chinese Characteristics in 2035 // Globalization. 2021. No. 4. P. 92-108.

26. Dong W., Wang X., Yang J. Future Perspective of China's Feed Demand and Supply During Its Fast Transition Period of Food Consumption // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14, No. 6. P. 1092-1100. DOI: 10.1016/S2095-3119(14)60992-8

27. Xin X., Liu R., Wang J. Getting Rid of the Misconception that the Higher the Self-Sufficiency Rate, the Safer the Food // Economic Issues in Agriculture. 2020. No. 10. P. 19-31.

28. Li X., Han Y. Analysis and Empirical Verification of Driving Forces of Grain Import Price Differences // Journal of South China Agricultural University (Social Sciences). 2018. Vol. 17, No. 5. P. 57-68.

29. Ni H. China's Agricultural Supply-side Structural Reform from an Opening-up Perspective // Issues in Agricultural Economy. 2019. No. 2. P. 9-15.

30. Cheng G., Zhu M. COVID-19 Pandemic is Affecting Food Security: Trends, Impacts and Recommendations // China Rural Economy. 2020. No. 5. P. 13-20.

31. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p. ISBN 978-1-55587-784-2

Geoeconomics of Food Security in a Polycrisis: The Evolution of China's Policy Responses (2022–2026)

Kornev N.A.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The relevance of this study is determined by the transformation of global food security from pandemic shocks to a structural polycrisis combining geopolitical fragmentation, climate instability, and inflationary pressure during 2022-2026. The research object comprises the processes of ensuring China's food security amid global systemic transformations. The research subject is the evolution of food security risks and political mechanisms of adaptation of China's agricultural system. The research aim is to conduct a comprehensive analysis of food security risk transformation and develop scientifically grounded recommendations for improving China's food security policy. To achieve this goal, the following tasks were accomplished: analysis of global food security dynamics in the context of polycrisis; investigation of China's food security features against the background of record grain production indicators; identification of key risks and challenges, including climate, demographic, and technological factors; development of strategic recommendations for transitioning to a qualitative model of food security. The methodological foundation includes systems analysis, comparative-historical method, statistical analysis of FAO, USDA, and China's National Bureau of Statistics data, as well as forecasting modeling method. The research results demonstrate that China has reached a historical maximum of grain self-sufficiency (97% with production of 714.9 million tons in 2025) while maintaining structural dependence on soybean imports (approximately 90%). The intensification of climate risks as a systemic threat to production sustainability has been identified, along with the critical importance of transitioning from quantitative to qualitative security within the “Comprehensive Rural Revitalization” strategy (2025-2035). The research conclusions indicate the necessity of theoretical reassessment of approaches to food security: from static self-sufficiency to dynamic resilience, from isolation to integration into global value chains, from quantitative indicators to comprehensive assessment of agricultural system quality and sustainability.

Keywords: China; food security; polycrisis; climate adaptation; comprehensive rural revitalization strategy; geo-economics of agricultural markets; grain self-sufficiency; agricultural policy; sustainable development; food diplomacy

References

1. Du M., Lei J., Li S. Navigating the Path to Food Security in China: Challenges, Policies, and Future Directions // Foods. 2025. Vol. 14, No. 4. P. 644. DOI: 10.3390/foods14040644
2. FAO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2024. Rome: FAO, 2024. 320 p. https://doi.org/10.4060/cd1254en
3. FSIN and GNAFC. Global Report on Food Crises 2025. Rome: Food Security Information Network, 2025. 295 p. DOI: 10.71958/wfp130664
4. FAO and WFP. Early Warning Analysis of Acute Food Insecurity Hotspots. Rome: FAO, 2025. 45 p.
5. WFP. Hunger Hotspots: FAO-WFP early warnings on acute food insecurity. Rome: WFP, 2025. 62 p.
6. National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook 2024. Beijing: China Statistics Press, 2024. 890 p.
7. Xinhua News Agency. China's grain production exceeds 700 million tonnes for first time. Beijing, December 2024.
8. CPC Central Committee and State Council. Opinions on Further Deepening Rural Reform and Steadily Advancing Comprehensive Rural Revitalization (China's No. 1 Central Document for 2025). Beijing, February 23, 2025.
9. Xinhua News Agency. China's No.1 central document sets agricultural modernization roadmap. Beijing, February 2025.
10. Sen A. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1981. 257 p. ISBN 978-0-19-828463-5
11. Fan S. Reflections of Food Policy Evolution over the Last Three Decades // Applied Economic Perspectives and Policy. 2020. Vol. 42, No. 3. P. 380-394. DOI: 10.1002/aepp.13065
12. Huang J., Wei W., Cui Q. The Prospects for China's Food Security and Imports: Will China Starve the World via Imports? // Journal of Integrative Agriculture. 2017. Vol. 16, No. 12. P. 2933-2944. DOI: 10.1016/S2095-3119(17)61830-8
13. Zhao H., Chang J., Havlík P., et al. China's Future Food Demand and Its Implications for Trade and Environment // Nature Sustainability. 2021. Vol. 4. P. 1042-1051. DOI: 10.1038/s41893-021-00764-2
14. World Bank. Commodity Markets Outlook: Implications for Developing Countries. Washington DC: World Bank, 2025. 125 p.
15. FSIN and GNAFC. Global Report on Food Crises: Mid-Year Update 2025. Rome: Food Security Information Network, 2025. 180 p.
16. Li C., Zhang Y., et al. Construction of China's Food Security Evaluation Index System and Spatiotemporal Evolution // Environmental Science and Pollution Research. 2024. Vol. 31, No. 17. P. 25014-25032.
17. USDA Foreign Agricultural Service. Oilseeds: World Markets and Trade. Washington DC: USDA, 2025. 45 p.
18. Pan D., Yang J., Zhou G., Kong F. The Influence of COVID-19 on Agricultural Economy and Emergency Mitigation Measures in China: A Text Mining Analysis // PLoS ONE. 2020. Vol. 15, No. 10. P. e0241167. DOI: 10.1371/journal.pone.0241167
19. Zhang L., Luo B. Agricultural Chemical Reduction: The Logic and Evidence Based on Farmland Operation Scale of Households // China Rural Economy. 2020. No. 2. P. 81-99.
20. Zhang Y., Lu X. A Comprehensive Evaluation of Food Security in China and Its Obstacle Factors // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20, No. 1. P. 451. DOI: 10.3390/ijerph20010451
21. Niu Y., Xie G., Xiao Y., et al. The Story of Grain Self-Sufficiency: China's Food Security and Food for Thought // Food and Energy Security. 2022. Vol. 11, No. 3. P. e344. DOI: 10.1002/fes3.344
22. Liu Y., Zhou Y. Reflections on China's Food Security and Land Use Policy under Rapid Urbanization // Land Use Policy. 2021. Vol. 109. P. 105699. DOI: 10.1016/j.landusepol.2021.105699
23. Cui N., Dong J. Grain Production Security in Major Grain-Producing Areas: Status, Challenges, and Guarantee Path // Issues in Agricultural Economy. 2021. No. 7. P. 130-144.
24. Zhong Y., Hong F. Thoughts on Constructing the Compensation Mechanism for the Development of Main Grain Producing Areas // Academic Journal of Zhongzhou. 2019. No. 270. P. 30-36.
25. Jiang C., Li J. Research on Indicator System of Agricultural and Rural Modernization with Chinese Characteristics in 2035 // Globalization. 2021. No. 4. P. 92-108.
26. Dong W., Wang X., Yang J. Future Perspective of China's Feed Demand and Supply During Its Fast Transition Period of Food Consumption // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14, No. 6. P. 1092-1100. DOI: 10.1016/S2095-3119(14)60992-8
27. Xin X., Liu R., Wang J. Getting Rid of the Misconception that the Higher the Self-Sufficiency Rate, the Safer the Food // Economic Issues in Agriculture. 2020. No. 10. P. 19-31.
28. Li X., Han Y. Analysis and Empirical Verification of Driving Forces of Grain Import Price Differences // Journal of South China Agricultural University (Social Sciences). 2018. Vol. 17, No. 5. P. 57-68.
29. Ni H. China's Agricultural Supply-side Structural Reform from an Opening-up Perspective // Issues in Agricultural Economy. 2019. No. 2. P. 9-15.
30. Cheng G., Zhu M. COVID-19 Pandemic is Affecting Food Security: Trends, Impacts and Recommendations // China Rural Economy. 2020. No. 5. P. 13-20.
31. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p. ISBN 978-1-55587-784-2